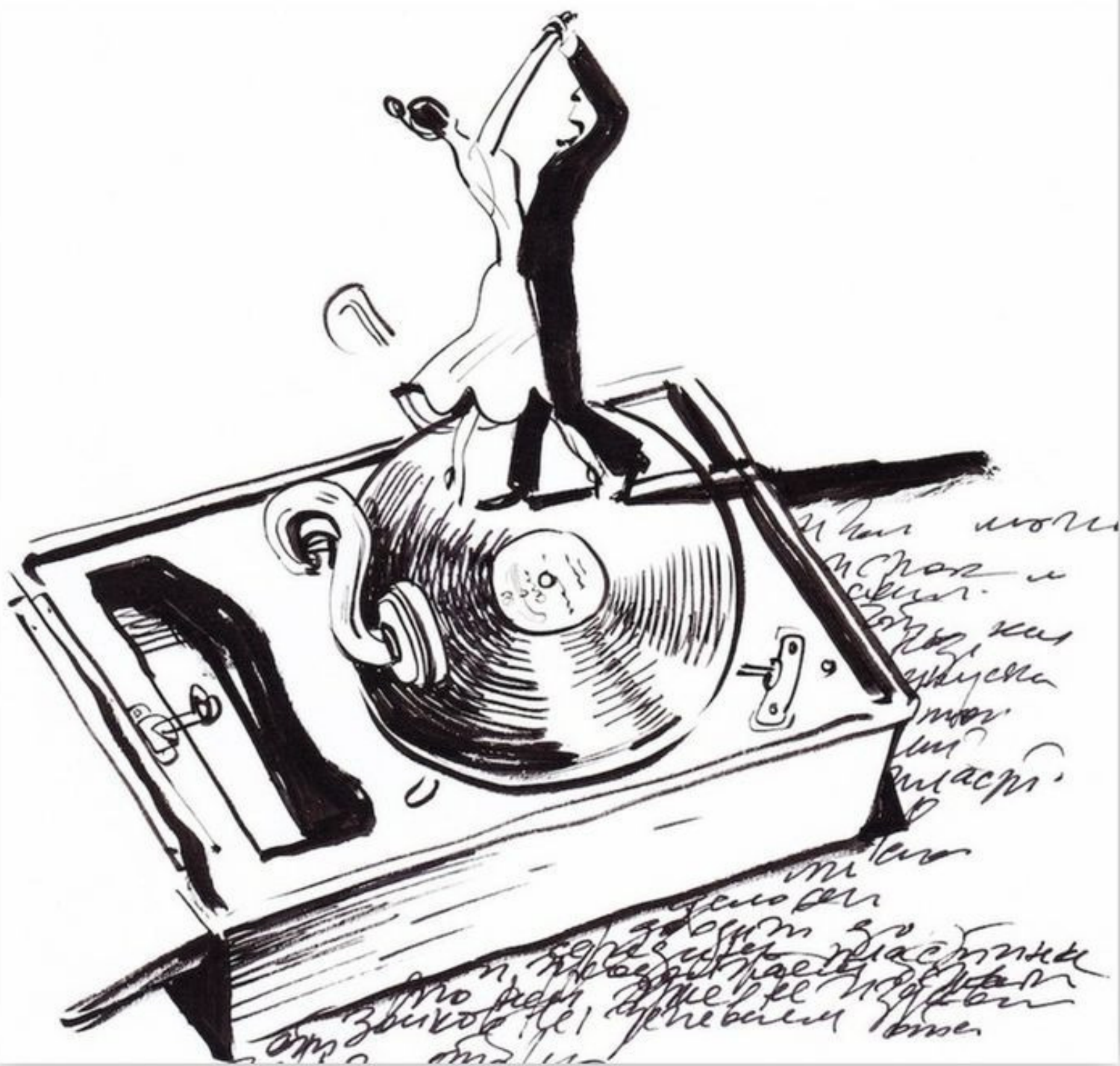

18+ Мари Депорси

Танго кузнечиков

(Любовное приключение в семейном кругу)

Мари Депорси

**Танго кузнечиков. Любовное
приключение в семейном кругу**

«Издательские решения»

Депорси М.

Танго кузнечиков. Любовное приключение в семейном кругу /
М. Депорси — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833801-4

Люди порой встречают идеальных партнеров — тех, к кому не приходится приспосабливаться, ради кого не приходится изменять себе ни в чём. Моментом такой встречи невозможно управлять, и зачастую люди встают перед выбором — идти ли дальше по проторенному пути налаженной жизни или ступить в развернувшееся перед глазами будущее, оставив за спиной всё, с таким трудом выстроенное ранее. Всё ли преодолимо, всем ли могут пренебречь влюбленные? Любое ли решение приемлемо в стремлении к личному счастью?

ISBN 978-5-44-833801-4

© Депорси М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Приглашение на танец	8
Встреча	9
Поиск корней	17
Погружение	20
Свершение	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Танго кузнечиков

Любовное приключение в семейном кругу

Мари Депорси

*«The art of losing isn't hard to master
So many things seem filled with the intent
To be lost that their loss is no disaster.*

*Even losing you (the joking voice, a gesture I love)
I shan't have lied. It's evident
The art of losing's not too hard to master
Though it may look like (Write it!) like disaster.»
Elizabeth Bishop. «One Art»*

*«Терять – искусства проще в мире нету.
Есть тьма вещей, и можно потерять
Из них любую. Не конец же света.*

*И потеряв тебя (шутливо где-то
Скажу, любя), всё ж буду утверждать:
Терять – искусства проще, право, нету.
Хотя, казалось бы (запомни!) конец света.»
Элизабет Бишоп «Искусство терять»
(пер. Тагира Насибулина)*

Иллюстратор Евгения Двоскина

© Мари Депорси, 2017

ISBN 978-5-4483-3801-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*Причудами насмешиливых наяд,
Что в древности с богами подружились,
Два сердца встретились и в унисон забились
И вознеслись в Эдем – свой райский сад.*

*Эдем напоминал огромный город,
Чужой холодный и до слёз родной.
Тот, где когда то был он молод,
Бродил с девчонкою одной...*

*Теперь, другую обнимая,
Он по знакомым мостовым
«Шарахался», себя не узнавая,
Не веря, что случилось это с ним.*

*Она ему доверчиво дарила
Свои приметы города —
Места, которые любила,
Названья улиц, имена.*

*Вино домашнего разлива,
Фонтаны на воде, быстро,
Толпы шатание говорливой
И танго музыку в метро.*

*А он, остановив мгновенье,
С ней этим воздухом дышал.
И чудным было ощущение,
Что город через поколения
Их души накрепко связал.*

*Ещё Эдем напоминал квартиру
Напротив Павелецкого метро,
Там девочка одна его любила
Под знаком М, таращимся в окно.*

*Теперь в другой квартире, съёмной
(вид из окна на Белый дом)
По взмаху палочки волшебной
Всё повторялось словно сон.*

*Он ждал её, минуты подгоняя,
Шаги считал, мгновенья торопя,
К двери спешил, а там его встречали
Её глаза.*

*Он в них тонул, невольно замечая,
Как в нём, чуть слышная сперва,
Мелодия родная возникала,
Забьтая, казалось, навсегда.*

*В сплетении настальгических мотивов
Роились прошлого ушедшего следы
И в их звучании она ему явилась
Ожившим воплощением мечты.*

*Он знал, что этих глаз сияние
Уже не сможет он забыть.
И ни года, ни расстояние
Не смогут это изменить.*

*Их встреч короткие мгновения
Им не заменят обиходный дом.
И что не будет продолжения...
Но это будет все потом.*

*Пока ж отбой не спели трубы
И цельным их казался мир
Он целовал её уступчивые губы
Подколками и шутками кормил.*

*Он счастлив был, когда она смеялась,
Когда ловил её влюблённый взгляд,
В котором суть реальности терялась,
И возникал мираж – тот самый сад,*

*Где не было ни жертв ни оправданий,
Где властвовал любви волшебной пир,
А вещи и слова приобретали
Особый смысл, известный только им.*

Глава 1. Приглашение на танец

«Милонга – танцевальная вечеринка с определенным этикетом, сложившимся в атмосфере клубов Буэнос-Айреса начала XX века. Музыка проигрывается небольшими блоками по три песни – тандами. Танго обычно танцуют в близком объятии, что позволяет танцорам хорошо чувствовать и понимать друг друга, свободно импровизировать и интерпретировать музыку.

Наиболее важным элементом этикета танго является приглашение. Кавалер не может просто подойти, протянуть руку или пригласить даму словами. Этикет требует, чтобы он сначала пригласил её взглядом. Если дама согласна, она выдерживает взгляд приглашающего и подтверждает согласие улыбкой или небольшим наклоном головы. После этого он может подойти, поздороваться, переброситься парой слов и открыто пригласить на танец. Слова произносятся только после заключения контракта глазами. Если даже обмен взглядами незаметен и молчалив, он должен быть достаточно понятен и однозначен. Кивок головы означает согласие, отведенный взгляд – отказ. Даме, которая хочет, чтобы ее пригласили, надо заранее надеть танцевальные туфли. Шансы на приглашение значительно возрастут, если одежда подчеркнет изысканные формы и талию: черные брюки с широким низом, шелковая блуза или вечернее платье, приспособленное для танцев».

Встреча

Знаешь, Рыж, эта история дорого мне обоилась – я потеряла брата. Ещё раз? Умешь же ты задать неудобный вопрос... Нет, я и сама его себе все чаще задаю – и каждый раз удивляюсь постоянству ответа. Нет, не сомневаюсь.

Да, я бы снова рухнула в этот омут, просто чтобы знать, что существует на свете это парение, нарастающее с каждой минутой обретение крыльев, единение вселенной и наполнение смыслом и наслаждением таких обычных солнечных и дождливых дней. Это плавное, непрерывное прорастание друг в друга, сплетение нервных систем и сообщающихся кровеносных сосудов до состояния, когда твой рот легко и естественно выдыхает то, что промелькнуло в не твоей голове. Так цикада, медленно вылезая из шкуры, замерев в своей новорожденной нагоде на несколько минут, на глазах выращивает крылья, стройнеет и из неуклюжего сосредоточенного броненосца становится гибкой и самодостаточной зеленой сволочью, способной вымотать душу истошным стрекотом днями напролет или изгрызть в хлам молочно-зеленую поросль, взлелеянную шершавыми деревенскими руками.

А потом так же естественно и прочно, как расходятся в режущей синеве итальянского неба сухие локти олив, разрастись и расстаться, повернувшись каждый под свой ветер и чувствуя единый ствол разве что кончиками огрубелых пяток. Твердо нацелиться в разные созвездия, такие четкие и близкие этими пряными прозрачными ночами, перестилающими в воздухе слой за слоем летучие тимьян и лаванду, душистый аромат прелой скошенной травы и волны липких от жары цветочных соков. Не трепещи и не дрожи под иссушающими ветрами, пересыпанными свистящими руладами кузнечиков, не сомневаясь и не меняя выбранного направления.

Он вернулся в Москву в феврале. Скучное серое небо, грязный снег с черными прогалинами и сырой пронзительный ветер, встретившие его в Шереметьево, резко контрастировали с ярким небом и зелеными холмами городка, оставленного около шестнадцати часов назад, и он ещё раз вспомнил ощущение острого нежелания уезжать, которое испытал на пути в аэропорт.

Шофёр встретил дублёнкой и стандартной шуткой насчёт загнивающего за горбом капитализма. В машине, задрёмывая, он стал думать о том, какими обычными стали эти поездки, о том, что после многолетнего перерыва Москва опять стала узнаваема, стала приобретать черты города, в котором он вырос и провёл большую часть жизни, о делах, которые ожидали его здесь...

Квартиру сняли в Сокольниках – близко к работе и недалеко от центра. Видеофон в подъезде и запирающаяся площадка на лестничной клетке создавали иллюзию безопасности. Шофёр занёс чемодан, оставил ключи от машины и ушёл. Он бросил вещи, сел на диван, оглядел безликое жилище и взглянул на часы. В Москве начинался субботний вечер. Несмотря на долгий перелёт и усталость, спать не хотелось: его внутренние часы ещё работали по калифорнийскому времени. Он включил компьютер и набрал в поиске «милонги в Москве».

Можно было проведать давно знакомый бывший завод на Казакова – пакгауз, на старости лет ставший огромным залом со столиками вокруг деревянного танцпола и сносным баром. Всё, как он любил – классическое аргентинское танго середины прошлого века. Однако после утомительного перелёта ему хотелось что-нибудь поуютнее. Кофейня на улице его детства показалась хорошим знаком, достойным вечернего ни к чему не обязывающего любопытства.

В небольшом кафе с двумя рядами столиков вокруг приподнятой паркетной площадки несколько пар танцевали под «Малену» Тройлы. Народу было немного. Он заказал коньяк и кофе, достал туфли.

– Привет!

Он оглянулся. Лина, сухощавая узколицая учительница из El Tango, знакомая по прошлым поездкам, углядела его с высоты своего роста и подошла поздороваться и расцеловать.

– Давно приехали?

– Только что.

– И прямо сюда?!

– Джетлаг – устал, а спать не могу.

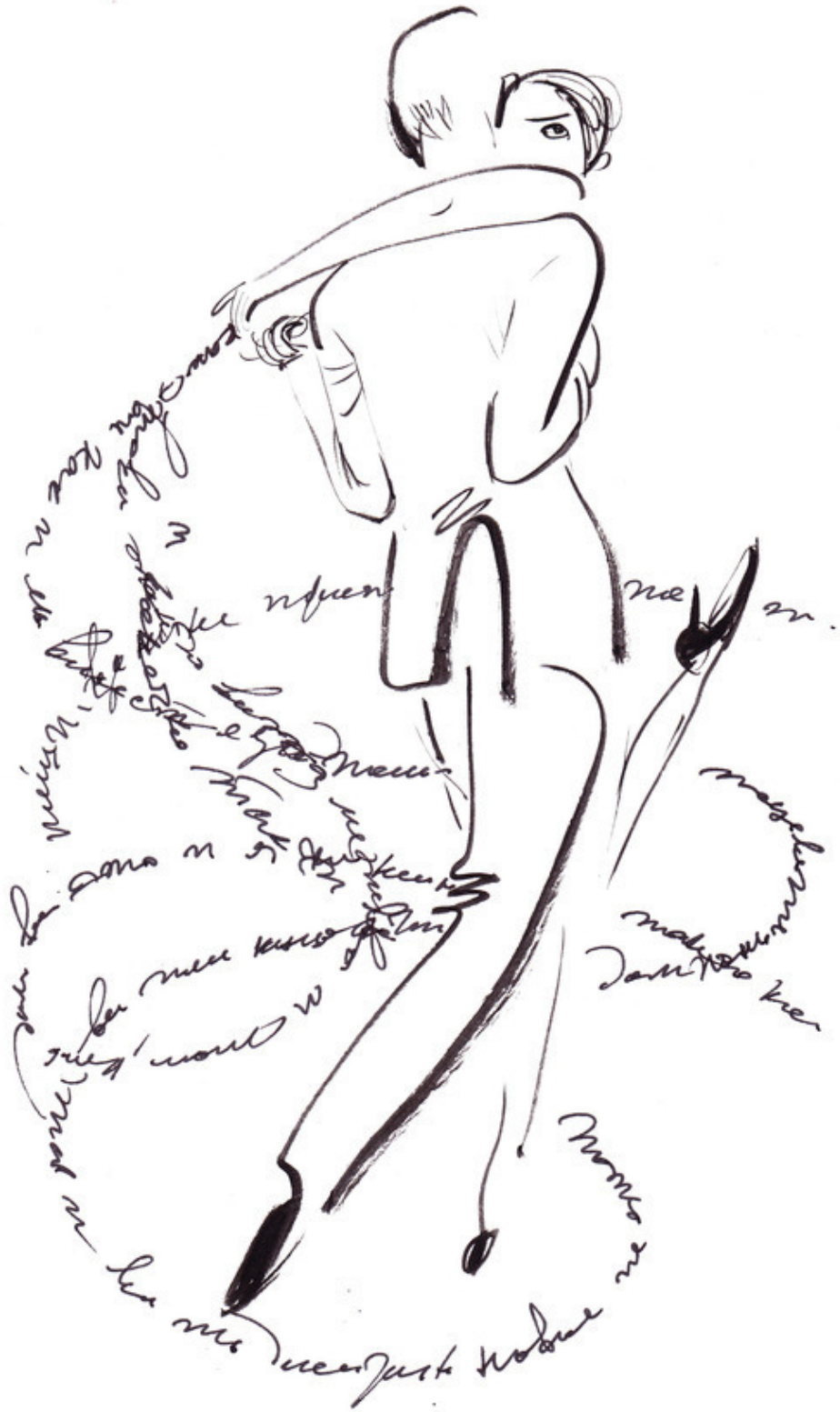
– Ира знает, что Вы тут?

– Ещё не успел позвонить.

Ира, как и её подруга Лора, – его партнёрша по танго в Москве. Он обычно созванивался с ними перед милонгами и по очереди танцевал с обеими – на зависть снедаемому тщетными надеждами залу, в котором так не хватало мужчин.

Не нащупав занимательного предмета для светской беседы, повел Лину танцевать. Вскоре народу прибавилось, искусную тангеру снова пригласили, а ему остался стынувший кофе. Усталость брала своё. Он устроился поудобнее, раскачивая в пузатом бокале лужицу коньяка, и под завораживающие звуки «Una Emoción» начал вспоминать свой первый урок на Никитской.

К тому времени он уже около трёх месяцев занимался аргентинским танго. Увлечение началось случайно. Будучи по природе общительным, он тем не менее довольно редко соглашался ввязаться во что-то, отягощенное участием других людей. Поэтому он долго противился уговорам жены пойти учиться танцевать. И только непобедимый довод, что он всю жизнь сопротивлялся любому её желанию, а она всегда хотела танцевать, сыграл свою роль, и он согласился, надеясь, что идея умрёт сама собой. Жена выбрала сальсу, но на урок они опоздали и присоединились к группе бального танго. Встали в круг и стали повторять за всеми: шаг-шаг, шаг-шаг-шаг, поворот. Это было несложно, минут через десять стало скучно, а еще через полчаса урок, к счастью, закончился. Жене тоже не понравилось, и вся танцевальная идея могла бы благополучно умереть, если бы она случайно не узнала, что в еврейском центре работает класс аргентинского танго, и там занимаются много знакомых.

Когда они пришли, в большом зале, отделённом от сцены огромным тяжёлым занавесом, царило ощущение праздника. Звучала красивая музыка. Помещение было украшено воздушными шарами, на столе возле стены стояли вино и сладости. Женщины на высоких каблуках и в красивых платьях дополняли праздничную атмосферу. В кругу замороженных зрителей танцевала пара – обнявшись, они словно бы просто шли в такт музыке, но траектории их ног

переплетались и соединялись, разбегаясь в разных направлениях и чудесным образом не запутываясь. Танец выглядел естественной импровизацией, рисунком напоминал замысловатое кружево и казался невероятно сложным, приковывал взгляд и заставлял мысленно расшифровывать и расплести этот орнамент, поражаясь неожиданным разворотам и пируэтам.

Мелодия стихла, зрители зааплодировали и потянулись к столу. Понравившийся танцор подошел познакомиться:

– Я преподаю здесь. Вам понравилось? Спасибо. Хорошо, что зашли. Как раз сегодня нашему клубу исполнился год. Милости просим.

Среди людей, собравшихся вокруг стола, оказалось немало знакомых, многие уже прозанимались год и с энтузиазмом приглашали присоединиться.

Как когда-то с теннисом, а позже с горными лыжами, увлечение танго оказалось внезапным и всепоглощающим. Подкупала, прежде всего, сентиментальность и прямота довоенного аргентинского танго, сплетение необычных шагов и дворовая лирика этих простых и наивных песен. Но стоило начать заниматься, как оказалось, что он не умеет ходить, держать равновесие, ровно стоять, слушать музыку, держать партнёршу перед собой. Никогда до этого он не чувствовал себя таким вопиюще неловким, таким чужим и неуклюжим гостем в собственном теле. Это расстраивало, сковывало, мешало освоить даже самую простую фигуру. Уроки превращались в источник постоянного недовольства собой – с облегчением и радостью, когда хоть что-то получалось. Вытанцовывать фигуры было интереснее, чем работать над техникой, однако желание осваивать танго не отпускало, и на практиках он с азартом претворял в жизнь разученные в классе или подсмотренные в интернете фигуры, отчасти махнув рукой на четкость движений. В партнершах, готовых принять его со всеми несовершенствами, недостатка не было – одинокие не слишком молодые женщины редко пропускали занятия, на практиках терпеливо ждали, когда их пригласят, и допоздна теснились в углу в надежде потанцевать с инструктором.

В московской командировке прерываться не хотелось – и он нашёл школу неподалеку от квартиры, по совпадению, тоже в Еврейском центре, договорился о частных уроках, а преподаватель в дополнение к частным отправила его посещать групповые занятия, чтобы оттачивать чуткость и технику с разными партнёршами. Вечерами в зале с резко спускающимися к окнам стрельчатыми потолками под крышей старинного здания можно было в неосторожном повороте разбить голову – но это не убавляло энтузиазма танцующих.

На первое занятие он опоздал, остался без пары и потому обрадовался, когда прибежала ещё одна опоздавшая, тонкой медноволосой змейкой скользнувшая ему в руки. Разучивая шаги милонги, он обратил внимание, как она грациозна и как легко перенимает все движения. В перерыве он узнал, что Лора занимается йогой и балетом, а на танго ходит только из-за своей подруги, которая «как раз сегодня не пришла». Через неделю они встретились уже как старые приятели, Лора познакомила его с подругой Ирой и её мужем, яркими приверженцами танго и организаторами милонг. Сходили вместе на субботнюю милонгу, пошли ужинать, за разговорами просидели до утра и расстались друзьями.

Видимо он задремал, и не сразу сорентировался, когда позвонил двоюродный брат.

– Привет! Молодец, что приехал – один или с женой? Жалко, что не смогла. А сын здесь? Ну ничего, в другой раз увидимся. Собираемся в субботу, у Аньки, будут все. Не обсуждается.

Это было неожиданно. До сих пор она никогда не показывалась, когда близкие собирались по случаю его приездов в Москву. Он удивился, брат пояснил:

– У девочки проснулся интерес к семье. Потщила меня в Крым, дней десять вынимала душу – расспрашивала обо всех семи коленах израилевых.

Анна была для него не более, чем именем нарицательным в рассказе о трудной дочери, рано ушедшей из дома и не допускавшей родителей в свою жизнь. Он слышал, что она бросила университет, создала что-то там в интернете, долго не общалась с родителями, успела оставить двух или трёх мужей и живёт с детьми в загородном доме. В один из первых его приездов в Москву после пятнадцатилетнего перерыва он мельком видел её у брата и, наверное, не узнал бы, если бы встретил на улице. Через пару недель после случайной встречи она прислала лаконичное письмо, что хочет посетить США и просила «дорогого родственника» прислать приглашение. В ответ он запросил необходимую для оформления информацию, но на этом переписка оборвалась. Позже он спросил, почему она молча исчезла, и удивился практичной простоте:

– Изменились планы – решила поболтаться по Европе, незачем было объяснять.

Однажды, много лет спустя, она спросила:

– Как вообще вокруг тебя ходят люди и умудряются не терять от тебя голову, не тонуть в твоей улыбке, не коченеть от твоего голоса? Не понимаю.

– Очень просто, когда мы впервые увиделись – ты меня просто не заметила!

– Хм, – задумалась она, – видимо, ты притворялся не собой.

Закончив разговор и помахав танцующей Лине, он поехал спать. Наутро пошел снег и продолжался всю неделю, укрывая непроходимой ватной пеленой дороги, проезды и машины во дворах. И всю неделю он искренне радовался тому, что поселился рядом с работой. Суббота не оказалась исключением. Он серьёзно подумывал о том, чтобы не ехать к брату, когда позвонил телефон и низкий мужской голос сказал:

– Здравствуйте, это Петя. Меня просили заехать за вами.

Через полчаса он ёжился на обочине в ожидании машины и гадал, узнает ли племянника, которого помнил голубоглазым мальчишкой лет четырёх-пяти. Они дружили, когда жили в деревне в ожидании разрешения на выезд. Малыш оказался широкоплечим лобастым мужчиной среднего роста, с короткой стрижкой и косичкой на затылке. Он как раз вез знакомить с сестрой свою девушку, кардиолога из Боткинской больницы. Поговорили о погоде, о его операции на сердце; беседа заметно оживилась, когда оказалось, что девушка жила на Кубе и говорит по-испански. Испанский язык – его последнее увлечение, помогающее понять лирику танго и поддерживаемое изрядным количеством латиносов в Калифорнии. За разговорами добрались до посёлка и после коротких переговоров с охраной подъехали по заснеженной дорожке к трёхэтажному домику на краю небольшого леса.

Внутри на вошедших обрушились гомон и детские крики. Вечер был в полном разгаре – по случаю его приезда собрались все оставшиеся в Москве немногочисленные родственники, разрозненные остатки большой и дружной семьи. Когда-то они жили многоголосой семьей в доме, построенном его дедом в Замоскворечье, и даже разъехавшись, сохраняли милые сердцу привычки и обычаи старого дома. После приветствий и поцелуев, с бокалом красного в руке он присел на ступеньку лестницы и огляделся.

Прямо перед ним в прихожей с зеркальным шкафом во всю стену большая добрая собака слабо отбивалась от пытающегося её оседлать деловитого мальчишки лет пяти. Слева, на диване, его брат о чём-то говорил с мальчиком постарше, снимая разговор на камеру. За кухонным столом хозяйничали, болтая и смеясь, женщины – полуслепая тётка, казалось, совсем недавно молодой женой дядьки вошедшая в дом, а теперь старейшая женщина семьи; романтическая двоюродная сестра, пришедшая с женихом, с удовольствием возившимся с девочкой лет восьми; хозяйственная жена брата, накрывающая на стол, и помогающая ей девушка Пети.

Он не сразу обратил внимание на хозяйку, которая спокойно и незаметно управлялась на кухне, участвовала в разговорах, руководила детьми. Сначала его привлёк её голос, высокий, немного зажатый, с детскими нотками, внутренне напряжённый и трогательный, как драматические раскаты Рахманинова или прочувствованное кружение танго. Мучительно знакомый, вынесенный из юности голос, как будто специально созданный, чтобы проникать в душу. Голос, от которого он глух и переставал понимать слова, которому не мог противостоять. С этим голосом были связаны все его не многочисленные серьёзные увлечения. С удивлением он начал наблюдать за его новой владелицей.

Высокую, тонкую, с короткими рыжими аккуратно уложенными волосами, с круглым лицом, на котором выделялся широкий тяжёлый нос и тонкая верхняя губа, её вряд ли можно было бы назвать красивой, если бы не глаза – огромные, миндалевидные, искрящиеся, обволакивающие теплом улыбки, в момент прямого взгляда приоткрывающие на короткие секунды водоворот чувств и эмоций. От этих глаз трудно было оторваться.

За столом, как обычно, когда он приезжал, говорили о том, как жили когда-то вместе; как по выходным и праздникам собирались в столовой с выходящей во двор двухстворчатой дверью, всегда открытой друзьям и однокашникам; об ушедших родителях, о детях, внуках, об остроумном дяде Боре с его шутками, которые запрещались слушать детям; о его сыне, который в трудную минуту сумел поддержать сестру и тётку. Вспоминали смешные истории из детства всех присутствующих, включая и его самого.

Он молча слушал обрывки разговоров и улыбался – его захватила тёплая, казалось, давно забытая атмосфера старого дома, он таял в ней. В такие минуты вино обостряло его тщательно спрятанную сентиментальность, в груди набухал ком нежности, давя на сердце и мешая сосредоточиться. К моменту, когда кто-то сказал «бери гитару, будем петь», он как раз добрался до пика молчаливого обожания присутствующих и окончательно потерял власть над руками и голосом. Спасла хозяйка – забрала непослушную гитару и допела домашний концерт. Его опять поразил её голос – такой же, как голос на той кассете, молодой и трогательный голос трагически погибшей дочери его приятелей, студентки Колумбийского университета.

Потом он с энтузиазмом рассказывал о своем последнем увлечении – аргентинском танго, о Буэнос-Айресе, объекте паломничества всех тангерос, и даже, кажется, подхватил просвещенную во многих областях искусства сестру, чтобы показать несколько простых шагов.

Анька подошла к нему, когда народ начал расходиться:

– Оставайся. Ты же понимаешь, что я тебя не отпускаю.

Он посмотрел на неё и кивнул:

– Конечно.

Дом погас, затих – уснули набегавшиеся дети, ушли наверх родители. Раскинувшись на полу перед лестницей, спала собака. За окнами шёл снег, и два силуэта с бокалами на фоне растущего на подоконнике сугроба еще долго взмахивали руками, вполголоса рассуждая о еврейской части семьи, которую Анна недавно начала осознавать, о людях, чьи следы и традиции искала в себе с неослабевающим вниманием и пристальностью. Глубоко ли это её тогда волновало?

В тот вечер он отправился спать с радостным чувством находки... А ночью заболел. Утром, выкопав машину из-под снега, она отвезла его домой, мечущегося от боли и неспособного даже говорить. Через несколько дней он улетал утренним самолетом, спать накануне не имело смысла – и он обрадовался, когда она позвонила попрощаться и практически до при-

езда машины перебрасывалась с ним едкими смсками. Договорились оставаться на связи. А в аэропорту Лос-Анжелеса его настигло её письмо:

«Ты смотрел на меня и смеялся. Удивлялся. Что-то говорил отцу обо мне. А я крутилась с единственной мыслью – не отпустить. Моё. Моё. Ты остался так легко, что я оторопела. Проводила всех, отвела родителей спать и осталась пить и говорить с тобой. Посередине между изумлением, как с тобой просто, и страхом, что я неловко повернусь, и ты исчезнешь. Потрошила тебя вопросами, не натываясь на сопротивление. А потом ты задал пару очень простых вопросов, и я застыла, словно голая. А ты усмехнулся и сказал, что твоей жене, в отличие от меня, повезло – у неё есть ты. И я заткнулась. Дала себе по рукам и по губам. Утром тебе было плохо, я не умела тебе помочь, не справлялась со временем и направлением и твердила себе, что тебе меня не надо. Через день вскользь сказала отцу, что с тобой удивительно легко, как будто ты всегда со мной был – а отец ответил: „Осторожнее. Жена убьёт.“ Я отшутилась. А потом мы до трёх часов ночи писали друг другу, и ты не разрешил себя проводить. И я снова и снова била себя по рукам. Родственница... Успокоилась тем, что впереди длинная жизнь, и ты ещё приедешь, и снова будешь сидеть рядом со мной на диване, так близко, что можно положить голову тебе на плечо, взять за руку. А там либо шшак, либо шах...»

Поиск корней

«Где-то глубоко внутри покорно спит не родившаяся женщина. С тоской смотрела на отца, его братьев, старые семейные фотографии – и спрашивала себя – что вы все делаете в этой холодной Москве, зачем вы тут, высоколбые, спокойные, любопытноголазые? Почему вам не сиделось под шелковицами в размышлениях о мудрости житейской, зачем вас понесло в бесконечную физику и математику, механизмы и технологии? И вместо большезлазой тихой еврейки вы родили меня, сумасшедшую, упрямую, дикую. По вечерам – не мечтой, а осторожным прикосновением языка в темноте закрытого рта – если бы все было иначе... Жизнь, правила которой неопровержимо мудры, и за каждым впитанным словом стоит непререкаемый авторитет тех, кто много думал. Длинные юбки, много детей, и смысл – в них, в служении мужу, в заботе и возвращении лучшего в них. И не стыдно, а почетно быть женщиной, матерью, женой, нежными руками и любящими глазами. И некуда спешить, некого обгонять, и мерило – в любви, а не в деньгах. Нет ни снега, ни зимней тоски, а темные глаза смотрят не оценивающе (потому что чем оценить существо иного вида), а любя и принимая такой, какая есть.

И вкусное по вечерам – делиться знанием, пониманием, играть словами и плести мысли в ковры. И покой в душе от того, что прожитый день не омрачен бесчестным поступком, и гордость за детей, не за превосходство, а за чистоту и прямой взгляд. Жизнь, которая не пришла ко мне, для которой нет места даже в моей голове – так только, тоскливо колючая крошка на кончике языка...»

Понимаешь, Рыж, в нем, как в пригоршне разноцветных пуговиц из бабушкиной коробки, собралось все, что я годами собирала в историях и картинках. Как в волшебном зеркале, одним махом отразилась та я, которой я могла бы быть, если бы жила в соседнем с ним послевоенном московском дворе. Моя многолетняя тоска по простоте и очевидности логики и этики шестидесятых словно плеснула из него, обжигая и спуская кожу с лица и рук. Отец жестко отделил прошлое от настоящего, худо-бедно приспособился к реальности и живет очень сегодняшним человеком с полной котомкой воспоминаний, а он – словно вчера еще бежал по арбатским переулкам с гитарой, и завтра снова побежит, если будет с кем. Весь недюжинный багаж его жизни не рассован по карманам и заветным углам, а свален комьями за пазуху, поближе к сердцу, чтобы недалеко было вытаскивать, если ко времени придется. И черпал из-за пазухи щедро, и вываливал передо мной эту совершенно осязаемую жизнь, как озорной турок на базаре, подмигнув маслинным глазом, выхватывает из-под прилавка и бросает в руки яркую тряпку – нравится? бери, носи! С ним эта жизнь становится не умоглядной, а абсолютно реальной, заполняет ноздри и щиплет язык – вот она, прямо тут, уже началась, сворачиваем за угол и начинаем жить ее во все горло, бегом, пока не кончилась!

Он вернулся к секвойям и утренним пробежкам, и разговор стал длинными репликами, оторванными одна от другой на многие часы – неурочные то ему, то ей. Расспрашивая его о семейных историях, Анна продолжала искать в корнях, в сплетении характеров объяснение своему непростому отношению к жизни, подсказку к следующему шагу. Он, невидимый себе-седник, порой чувствовал, что она додумывает его ответы до тех, которые хочет услышать. Не в последний раз сиреной она затягивала его в созданный ею образ, не в последний раз кружила словами...

– Вы же с отцом росли практически в одних условиях? Ну плюс-минус, у него полное детство воспоминаний о военной картофельной кожуре на обед. У тебя, наверное, поспокойнее в этом отношении? Он – гордый комсомолец, который «живёт не для радости, а для совести», и только сейчас начинает в этом отношении как-то взрослеть, принимать то, что он ценен сам по себе, и его собственные эмоции ничуть не менее важны, чем счастье человечества и вселенская справедливость. У тебя же этого нет? Ты с собой в мире, ты не крошишь себя в пыль ради великих целей; не занимаешься самопожертвованием во имя близких, а просто любишь их и заботишься – по мере сил. Добываешь луну с неба – когда тебе самому остро хочется и луна под руку подворачивается, а не когда пришёл к выводу, что срочно необходима луна любой ценой, вопрос жизни и смерти, побежали добывать? Откуда вырастает гармония эта, в какой момент? Готовность отказаться от придания себе смысла подвигами и признавать в себе смысл без всякой специальных усилий к его появлению? Чтобы ощущение «я есть» уже само и было смыслом? Не от картофельной же кожеры это зависит? Ну хорошо, у меня в период подростковой самостоятельности кожеры тоже за глаза хватало – выживание вместо жизни. Но сейчас же у меня все нормально, а я все равно скармливаю детям ту же систему ценностей. Выполнять долг, стремиться к великому, пренебрегать комфортом и мелкими радостями. Плохо. Неверно.

Это было неожиданно, он даже начал сомневаться, так ли хорошо знает брата. Вспомнил, как в далёком сорок шестом, вернувшись после летних каникул, нашел дома незнакомого сверстника, бегающего со школьным ранцем за плечами. С этого момента и до окончания школы они практически не расставались: учились в одном классе, спали в одной комнате, играли в одни игры. От ребят в школе брата отличало только одно – он, умница и хороший мальчик, не давал списывать. Редкая стойкость для школьника – но вряд ли столь раннее проявление глубинных черт личности.

Их родители делили жилье, еду, приятелей, и он был уверен, что брат проводил больше времени с его не работавшей тогда мамой, чем со своими отцом или мачехой. Никогда не задумывался, до какой степени его знания о брате поверхностны – в ежедневной суете им было не до откровений. Не видя, как в среде еврейской интеллигенции мог сформироваться образцовый комсомолец, он предположил, что имеет место быть либо глубокое наследие, либо приобретение раннего военного детства – того самого, с картофельной кожурой вместо еды, когда брат рос в семье южных крестьян, заменявших ему родителей до конца войны. Что же касалось комфорта, он и сам не обращал на него внимания ни в детстве, ни позже, когда появились повод и возможность.

Она не соглашалась:

– Все равно не понимаю, на чем отросла его и моя тяга оправдывать прожитый день количеством совершенных в этот день подвигов? Почему он не сумел впитать мысль, что не страдать – не стыдно? Слушай, я зря, наверное. Ты вряд ли знаешь отгадку. И тем более вряд ли знаешь ту производную этой отгадки, которая мне объяснит, как лично мне перерасти своё чувство долга-вместо-жизни. Это надо как-то самой, наощупь.

– Мне кажется, что чувство долга – не настолько плохое, чтобы его перерастать. У одних оно развито больше, у других меньше, но пока все в пределах трех сигм – жить можно. Ты-то, видимо, в экстремуме?

– Оно не плохое, просто иметь его в качестве системообразующего – не созидательно. А у меня сидит этот долг глубоко в базисе, как раз на уровне источника смыслов. Когда за окном сияет первое весеннее солнце, было бы прекрасно схватить детей и собаку и побежать за порог. И я сделала все, чтобы это было легко сделать – чтобы лес был за порогом, а не в часе езды по пробкам. Но я вспоминаю, что у меня пол не вымыт или обед не сварен. И понимаю, что детям плевать на пол, и они мне простят обед из бутербродов, но все равно не решаюсь

на спонтанную радость. Когда снаружи приходит бурное и счастливое «а давай...?!» я, вместо того, чтобы подхватить и засмеяться, пугаюсь и ищу более полезные и срочные дела...

– То, о чем ты говоришь сейчас, это повышенное чувство ответственности и неспособность к компромиссам в приоритетах. Все эти качества – природные, и в совокупности с сильным характером могут быть крайне эффективны, однако трудны для окружающих. У тебя мозг, видимо, значительно впереди эмоций.

– Эмоции задавлены, да. Хотя я не уверена, что это природное, а не компенсация от внутренней потребности ставить себе самой пятёрки. Не просто жить и радоваться, принимая все происходящее непосредственно, а постоянно себя оценивать и хвалить либо ругать. Потребность в оценках природной быть не может, она социальная на все сто.

– Эй! Продолжая себя заставлять, ты себя разрушишь. Ты уже многого достигла. Нельзя быть такой бескомпромиссной.

– Возможные последствия-то я понимаю. Я источники пытаюсь найти. Каким образом это на мнеросло, чтобы понять, как детям такой же атавизм не вырастить. Ты же как-то живёшь без этого ценного приобретения? Как-то же ты мимо него проскользнул?

– Ну не совсем так, просто не так все очевидно...

– Ну я не говорю, что совсем без...

На волне этой крошечной победы он ушёл спать.

Следующие две недели он был занят и не вспоминал о ней, а когда вспомнил и спросил она ответила мгновенно:

– Ты куда пропал?

– Прости, старческая меланхолия...

– А меланхолично пропадать – нечестно. У меня нет способа дотянуться до тебя, заявиться вечером с вином и разговором, поставить перед фактом, что я есть. Крошечное такое право хочу – раз в неделю гулять с тобой где-нибудь вечером в хорошей погоде. Как бы реализовать-то его?

– Ты стала реальностью только в феврале, не всё сразу. Планирую работать летом пару месяцев в Москве, если не помешают семейные обстоятельства. Ты будешь в городе?

– Да! Где скажешь.

– Решим ближе к делу.

– Ага. Кстати, помнишь наш разговор о гипертрофированном чувстве ответственности?

Нежная девочка-психолог вызвала в школу поговорить про старшего сына. Блондинка-отличница больше часа пыталась меня убедить в том, что мне нужно «просто уже наконец сформировать у себя самой чувство защищённости и обеспечить мальчику нормальную семью». Как же она прекрасна, господи...

– И ты, конечно, села и начала формировать:)

– О-о-о, это мне слабо. Зато я, кажется, окончательно выгнала мужа! Большое счастье, он уже неделю не ночует дома и, по агентурным данным, снял квартиру возле работы! Напьюсь по этому поводу и перееду из гостевой обратно в спальню. Чем не повод для чувства защищённости?

Погружение

Как бы тебе это объяснить, Рыж. Вот живешь ты и считаешь себя взрослым и самостоятельным, и детство давно кончилось, потому что взрослые – это уже мы, и надо родителям что-то советовать или даже велеть, а они ловят по углам и просят друг про друга: скажи ему. И будущее туманно и зависит только от тебя, и торчишь ты этаким деревом в воздухе, опираясь на самое себя и придерживая кончиками листьев шатающийся на ветках урожай, наугад вытягивая ветки в небо. И тут появляется ниоткуда старший брат. Такой мудрый, выглядывает из-за облака и снисходительно сообщает, что он там впереди уже прошел. Дорожка так себе, но твердая, за углом колдобина, на повороте скорость сбрось. Через пару километров заправка, ты дотянешь, не парься. И настолько брат, что вы поете первый концерт Чайковского на два голоса на пустом берегу океана, взбивая на ходу босыми пятками пену на песке, и не чувствуете себя дураками. А когда ты хочешь уснуть в садовом кресле – он под скорбным взглядом своей взрослой и правильной жены притаскивает тебе спальник, подмигивая, что и сам так спал. И в это сложно поверить, трудно открыться и принять, потому что не может его быть – ты всегда крайняя и старшая, это выучено годами ожогов и ссадин, нет никаких старших братьев под этим хмурым небом – а он пожимает плечами и говорит: ну и дура, что ж. И ты съедаешь половину своей тарелки, а он молча меняет её на свою, на которой тоже сгрызена половина какой-то любопытной фигни, и в голову не пришло сговариваться, всё само, с полувзгляда. И засыпаешь с тревожным зуммером непонимания, какой волной его к тебе вынесло и можно ли сделать что-то, чтобы он остался. Но он же старший и решает сам, с ним ничего сделать нельзя. Никогда. Только надеяться, что не мерещится. Скрещивать пальцы и гадать, надолго ли.

Оба замолкли на месяц. Она продолжала погружаться во вновь обретенную семью, и однажды её возбужденный голос пропел:

– Абсолютно изумительно было сидеть с твоим сыном в ночи и включать друг другу Гейнца с Даниловым. Потом рассказывать, что я надеялась освоить с дочерью пианино, но уже жутко от неё отстаю, а он замахал рукой, что надо не компостировать мозги и взять педагога самой себе, и тогда все получится. И вот он сам тоже, но только досюда дошёл и упёрся – вскочил, сел за пианино, поиграл – а дальше пока не знает, куда двигаться... А потом в ночном подъезде на два голоса петь Ивасей. Не музыка, конечно, в высоком смысле этого слова – но безумно, невероятно вдохновенно и вкусно!

– Где же вы нашли такой удачный подъезд-то?

– У него, на Пресне. Нас, понимаешь, выгнали из того кафе, где мы с ним встретились на чашечку кофе, чтобы познакомиться. Потерпели наше присутствие несколько часов, до закрытия – и выгнали. Пришлось обременить мной его нору ещё на несколько часов, а выход из норы обычно осуществляется через подъезд. А в нем неплохо поётся, акустика – на горе и зависть соседям.

– Как вы друг другу? Понравились? Я не успел спросить.

– Знаешь, я как-то не нашла в себе храбрости спросить его в лоб, рад ли он, что я есть. У меня-то совершеннейшее счастье. Такое ощущение, что он всегда был, ну или был всегда тот интерфейс, в который именно он включается как очередной сложившийся пазл – легко, спокойно, важно, интересно. Ощущение старшего брата. Со сводным такого никогда не было, нам не о чем было общаться, а он как будто идёт по какой-то параллельной дороге, мелькая за деревьями, можно перекрикиваться, можно протянуть руку и пройти пару метров за руку, когда дорожки сближаются. Когда он уехал – меня колотило двое суток кряду от ужаса, что он

исчезнет неведомо на сколько. Только когда он вылез в скайпе и в ответ на моё верещание удивился, чего это я сомневалась в том, что он всегда будет на связи – тогда успокоилась. И то, временами накрывает фирменной отцовской интровертной тревогой – а вдруг на самом деле ему меня не надо, а он из одной вежливости терпит моё существование? Но я в такие моменты стараюсь дать себе по голове и жить дальше, радуясь, как мне с вами повезло с обоими. Но вы таки совершенно не взаимозаменяемы. В твой адрес я могу абсолютно смело дурить, понимаешь? Задавать тебе неудобные вопросы, подкалывать. А ты будешь отшучиваться или честно отвечать. Вестись или подкалывать в ответ. И почему-то совершенно уверена в том, что мы с тобой друг другу ничего не сломаем. А его почему-то хочется беречь. А ему, наоборот, хочется беречь тебя. Я на его фоне просто невозможно бесцеремонная девица. Жаль, что мне не стыдно. А он от моей резкости в твой и папин адрес приходит в ужас и боится, что я тебя поломаю ненароком, или сделаю тебе неудобно. Или вторгнусь в твоё личное пространство. И изумляется моей уверенности в том, что ты увернёшься, или выпихнешь меня оттуда, где мне не следует быть, но от меня тебе в любом случае будет веселее, и это ценно само по себе, и стоит трудозатрат на то, чтобы ко мне приспособиться. Мы все странные человечки, да?

– Да не старайся ты быть со мной слишком осторожной и почтительной – выживу как-нибудь.

– Вот уж спасибо за разрешение быть самой собой:)

Помянул между делом, что дела гонят его в Москву в начале июня – и удивился бурной реакции.

– Нечеловечески соскучилась, и совершенно некуда тебе про это заорать. Меня в начале июня не будет в городе – командировка в Питер. А ты когда прилетаешь?

– В конце мая.

– Дьявол!! На сколько дней?

– Примерно на месяц.

– Уфф. Тогда просто отменю все остальные командировки, и с пятого я твоя в любое время, ура! Кстати у дочки в субботу день рождения, присоединишься?

– Конечно. Контора-то выдержит твой внезапный саботаж?

– Вынуждена будет – форс-мажорное обстоятельство такого масштаба, как твой приезд, трактуется как цунами. Прости, переговоры. Не убежишь за полчаса?

– Убегу.

Свершение

Не поверишь, Рыж, я себя тогда чувствовала, как последняя школьница, ухлестывающая за первым красавцем класса накануне выпускной дискотеки. Серьезно, лихорадочно рассчитывала, как оказаться на пути, о чем и как ненавязчиво спросить, чтобы ничем не выдать вопящего внутри: «Скажи – да!». О, знаешь, он кепку забыл на скамейке, так отец дернулся, хотел окликнуть его, уходящего к машине – а я чуть не силой вырвала ее: «Я отдам!». Нацепила на макушку и пошла догонять. И всю дорогу гадала, как он эту кепку заберет – руку протянет-подставит ладонью вверх, мол, снимай и дай мне – или сам с меня снимет? Потому что если сам – то его ладонь окажется практически у меня на затылке. Или на щеке. Ну пусть сам, пожалуйста! Дошла до него и обмерла – ну все же он видит, идиотка, все с тобой так понятно, что хоть смейся, хоть плачь. Выдержала длинный взгляд сверху вниз. Снял сам. И потом еще огромным усилием воли на вопрос «Ко мне?» сумела не подпрыгнуть и не затанцевать на дорожке. Нет, я считаю, это зачет, просто я его в школьном детстве прозвала, просидела с Фихте и Кьеркегором в подворотне, проподжимала презрительно губы вслед всем дискотекам – и вот, огребла на старости лет острых оцущений девчонки у входа в сельский клуб. Ну да ценно, конечно, все в жизни ценно, но смешно нечеловечески. Я же не первый год женщина, трое детей, всё умею нормально дать понять, и предложит, и спокойно спросить. А поди ж ты, скрутило таким умственным параличом, что весь груз лет не помог равновесие удержать.

Он прилетел в пятницу. Открыл окно, и комнату заполнил тёплый московский летний вечер с запахами липы, остывающего асфальта и прибитой пыли. Заиграли колокола церкви Иоанна Предтечи. Он вытащил телефон:

– Ты уже в городе?

– Через час сяду в поезд и рано утром буду в Москве. Забираю с дачи детей и родителей, везу домой кормить и развлекать. Хочешь, по пути с поезда тебя тоже в городе подхвачу, чтобы не заморачиваться плутанием до меня? Машина возле работы, поезд ранний, к девяти буду за рулем. Или ты так рано в субботу не встанешь?

– Приеду сам, с утра дела в городе.

Она дала адрес, объяснила, как добраться, а потом как бы между делом сказала:

– Ты осознаешь, что раньше вечера воскресенья я тебя не отпущу? Прекрасно, что догадываешься. А раз до конца месяца ты в Москве – я могу претендовать на вечера по мере твоей щедрости?

Его не удивлял этот интерес – он был персонажем из сказки о старом доме, достойным предметом исследования в её стремлении понять саму себя. С тем же интересом она приняла его сына и живущую за океаном двоюродную сестру и радовалась внезапно обнаруженным близким. Когда несколько лет назад он видел её у брата, она была неприветлива и резка – а теперь с удовольствием ждал новой встречи.

На следующий день он не торопился. Не спеша позавтракал, запасся продуктами, поболтался по «Дому книги» на Новом Арбате, рассматривая прекрасно изданные тома писателей и поэтов, недоступных в его время, и, прихватив бутылку калифорнийского вина, отправился в гости.

В Москве стояло лето. Мягкая погода, зелень и отсутствие пробок расслабляли, рождали воспоминания. Умиротворённый, он ехал по знакомым улицам города, который оставил больше двадцати лет назад, балансируя на грани грусти и покоя. По дороге плутал, приехал

позже всех и с удовольствием присоединился к домашнему празднику – играл с детьми, помогал за столом, участвовал в разговорах, шутил, и всё это время незаметно следил за хозяйкой, наблюдая, как она развлекала гостей, справлялась с детьми, всё больше поддаваясь её внутреннему неназойливому очарованию.

Гости разъехались, дети ушли спать, он беседовал с братом и посматривал, как она что-то делала на кухне. Когда их глаза встретились, вдруг сказал:

- Давай танцевать аргентинское танго?
- Я же не смогу.
- Сможешь, я научу. У тебя есть туфли на каблуках?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.